

Шэнь Цинчжоу припал к кувшину, осушил его добрую половину, после чего утер рот ладонью и рассмеялся:

— Коль суждено вино пить — пей допьяна, ведь в царство мертвых не просочится ни капли! Брат Ло, скажи, разве я не прав?

Лочэнь коснулся пальцами горла и покачал головой.

— Вот же голова садовая! — Шэнь Цинчжоу с досадой хлопнул себя по лбу. — Вино-то прихватить догадался, а про бумагу с тушью совсем позабыл... Погоди здесь, я мигом!

Он вскочил на ноги, собираясь броситься к выходу, но Лочэнь предвидел это. Не успел юноша сделать и шага, как немой потянулся вперед и крепко перехватил его за руку.

— Да в чем дело?.. — Шэнь Цинчжоу озадаченно замер, глядя на очередное покачивание головы. — Неужто брезгуешь мной? Совсем знаться не хочешь?

Лочэнь лишь горько усмехнулся, вздохнул и с силой потянул его за рукав назад, призывая остаться на месте.

Затем Лочэнь отпустил его рукав и направился в угол. Шэнь Цинчжоу решил было, что тот хочет подбросить дров в очаг, но, присмотревшись, заметил деталь, ускользнувшую от него в прошлый раз. Рядом с аккуратной поленицей высился старый черный комод — вровень с самой грудой дров. Лочэнь склонился над ним, выдвинул один из ящиков и, к удивлению гостя, извлек оттуда полный набор для письма: бумагу, кисть, тушь и каменную тушечницу.

Разложив все это на столе, он слегка кивнул Шэнь Цинчжоу, достал из того же комода глубокую глиняную пиалу и ненадолго вышел, вскоре вернувшись с чистой водой.

Шэнь Цинчжоу к тому времени уже раскатал потемневший лист и нетерпеливо закатал рукава. Грубая дешевая тушь и тушечница, больше похожая на наспех обтесанный булыжник, вызвали у избалованного молодого господина легкую гримасу брезгливости. Но выбирать не приходилось. Стоило Лочэню налить в выемку воды, как Шэнь Цинчжоу принялся усердно растирать черный брусок.

Спустя пару минут он поднял взгляд и с улыбкой произнес:

— Ну вот, брат Ло, сам тебе тушь растираю. Окажи честь, пригуби хоть каплю за мои труды?

Лочэнь покосился на него, придвинул кувшин и сделал глубокий глоток. Вытерев тыльной

стороной ладони набежавшую каплю, он положил сжатые в кулаки руки на стол и выпрямился, приняв чинную, сосредоточенную позу.

Пока прогорали две палочки благовоний, тушь наконец дошла до нужной густоты. Шэнь Цинчжоу отложил брусок и с довольным видом пододвинул письменные принадлежности хозяину:

— Готово! Теперь-то я наконец узнаю, какая муха тебя укусила. Ну же, пиши скорее!

Он макнул кончик кисти в густую черную жижу и с воодушевлением протянул ее Лочэню.

Тот помедлил, осторожно принял кисть, но так и замер, занеся руку над пожелтевшим листом бумаги. Кончик кисти подрагивал, не решаясь коснуться поверхности.

— Темновато? — участливо спросил Шэнь Цинчжоу. — Давай я принесу еще одну свечу.

Лочэнь тут же встrepенулcя и быстро вывел на бумаге два размашистых иероглифа:

«Не нужно».

Он вскинул взгляд на юношу, нахмурился и добавил пониже:

«Зачем ты пришел?»

Шэнь Цинчжоу моргнул, вслух перечитав написанное:

— Зачем пришел? — Он усмехнулся. — Повидаться, выпить с тобой. Да и потолковать надо об одном деле.

Лочэнь отложил кисть на край каменной плитки, переплел пальцы в замок и устремил на гостя долгий, немигающий взгляд.

От этого пристального взора Шэнь Цинчжоу вдруг сделалось не по себе. Причина резкой перемены в поведении Лочэня все еще ускользала от него, но допытываться сил не было. Отхлебнув еще вина, он решил заговорить напрямую:

— Денег, что я оставил тебе в прошлый раз, хватит, чтобы выкупиться из этого вертепа? Если мало, скажи — я сам потолкую с хозяйкой Башни. Сколько бы она ни заломила, я доплачу, лишь бы тебя отпустили.

Лочэнь ошеломленно уставился на него, судорожно втянув воздух. В его широко распахнутых

глазах отразилось потрясение, но в нем не было ни капли радости. Лишь глубокая, затаенная боль отразилась в его темных глазах, отчетливо видная даже в тусклом пламени свечи. Шэнь Цинчжоу растерялся. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, прежде чем гость нерешительно выдавил:

— Что... тебе не по душе моя затея?

Лочэнь вновь взялся за кисть. Пальцы его заметно дрожали. Надавив на бумагу слишком сильно, он вывел кривой, смазанный иероглиф:

«Нет».

Шэнь Цинчжоу недоуменно разглядывал этот налитый черной тушью росчерк, силясь разгадать его смысл. Когда же он поднял глаза, Лочэнь снова стал бесстрастным. Осознав, что это решительный отказ, Шэнь Цинчжоу почувствовал, как к горлу подкатывает раздражение. Нахмурившись, он ткнул пальцем прямо в сырые чернила:

— Почему «нет»? Лочэнь, ты за дурака меня держишь? По одному твоему почерку видно, что ты человек ученый. А уж то, как ловко ты выкрутился в том притоне, лишь доказывает твою изворотливость и ум. Твое место точно не здесь, среди этого гнилья!

От этого яростного выпада немой опешил. Он растерянно посмотрел на юношу, судорожно сглотнул, силясь сдержать рвущиеся наружу эмоции, и после недолгого раздумья его кисть стремительно побежала по бумаге:

«Лебедю не чета воробей, фениксу не чета фазан. Разница между нами велика, как между облаками и грязью. Вы, молодой дася, парите в вышине — статный, благородный, подобно яшмовому дереву на ветру. К чему же вам опускать взор в сточную канаву и марать руки о такое ничтожное, оскверненное создание, как я?»

На этих словах Лочэнь замер. Он слабо вздрогнул губами, а затем он скривился, словно сдерживая беззвучные рыдания. Не поднимая головы и не слыша ответа, он вновь опустил кисть на бумагу:

«Нам, жалким букашкам, суждено пресмыкаться в грязи. Не стоит благородному господину утруждать себя заботой. Будет лучше, если впредь наши пути никогда не пересекутся».

На последнем иероглифе рука его все же дрогнула, и черная точка расплылась по бумаге некрасивой кляксой.

Шэнь Цинчжоу дождался, пока тот допишет, и ядовито усмехнулся. В его голосе зазвенела ледяная злость:

— Так вот, значит, из-за чего ты на меня зубы точишь! Решил заступиться за своих потаскушек? Смешно! Ты ведь у нас кастрат, какая тебе от них корысть? С чего вдруг такая самоотверженная преданность?

Лочэнь потрясенно вскинул голову. Шэнь Цинчжоу скривился в презрительной гримасе:

— Да, мне противны те девки из борделя, и что с того? У вас тут взаимная жалость, да? Ах, я и забыл — самые продажные и подлые шкуры обитают именно в веселых домах. С чего бы тебе быть исключением?

Он резко поднялся со стула и обдал немного могильным холодом:

— Что ж, на этом и разойдемся. Квиты. Твоя правда: соваться в эту выгребную яму было с моей стороны глупостью. Сам пришел в свинарник и удивляюсь, что вымазался в грязи. Тьфу!

Шэнь Цинчжоу круто развернулся к выходу. Лочэнь рванулся следом, чтобы остановить его, но в спешке задел стол — шаткая мебель с грохотом накренилась. Услышав шум, юноша обернулся и машинально подхватил немного за плечи, удерживая от падения.

— Что? — сухо бросил он. — Хочешь сказать что-то напоследок, брат Ло?

На кончике языка Шэнь Цинчжоу уже вертелась новая колкость, но, встретившись взглядом с Лочэнем, он осекся. Готовые сорваться оскорбления замерли, превратившись в тяжелый, усталый вздох.

Лочэнь крепко вцепился в его рукав. В его глазах читалась безмолвная, отчаянная мольба. Шэнь Цинчжоу остался стоять на месте, но голос его прозвучал безучастно:

— Ну, чего тебе еще?

Лочэнь поспешно метнулся к постели, запустил руку под тюфяк и вытащил оттуда длинный меч. Бережно сжимая его обеими руками, он протянул оружие Шэнь Цинчжоу.

Юноша усмехнулся и бесцеремонно вырвал из его рук свой клинок, оставленный днем в притоне.

— Что, не удалось сбыть перекупщикам? — язвительно бросил он. — Побоялся, что за такое добро сразу голову снимут, вот и решил вернуть? А золотые бусины, гляжу, обратно отдавать не торопишься?

От этих жестоких слов Лочэнь застыл как изваяние. Он жутко и вымученно улыбнулся, обнажив неровные зубы. Он молча и часто закивал, словно соглашаясь с каждым обвинением.

Шэнь Цинчжоу захлебнулся от злости. Вся его искренняя забота была растоптана этим уродливым чертом. Больше не в силах выносить его присутствия, юноша развернулся и стремительно вышел прочь, даже не взглянув напоследок. Искать Сяо Янся у него не осталось никакого желания — он сразу зашагал к постоялому двору, где, едва добравшись до постели, провалился в тяжелый сон.

Проснулся он непривычно поздно — солнце уже стояло высоко. Шэнь Цинчжоу сел на постели, тупо глядя перед собой. Обычно он отличался строгой самодисциплиной: утренние тренировки были для него нерушимым законом, который он соблюдал в любую погоду, невзирая на зной или лютый мороз. Кто же знал, что вчерашняя черед хмельных застолий, увенчанная ссорой, так выбьет его из колеи.

Наспех умывшись, он обнаружил, что старшие братья так и не возвращались с ночной прогулки. Вспомнив вчерашние откровения господина Цзиня, Шэнь Цинчжоу наконец сложил воедино кусочки мозаики, долгое время не дававшие ему покоя: теперь стало ясно, откуда у эскортного агентства «Небесный тигр» такие баснословные средства. Их тайным покровителем оказалось само поместье князя У-Юэ.

Спустившись в общий зал, он вежливо отказался от предложенного трактирщиком завтрака — со вчерашнего дня в желудке до сих пор стоял тяжелый ком. Покинув постоялый двор, Шэнь Цинчжоу направился напрямик в меняльную лавку. Там он обналичил несколько крупных векселей, после чего зашел к ювелиру и обменял все серебро на золотые пластины в форме листьев. Подобные траты не пройдут незамеченными для его семьи — дома наверняка поднимется шум, а старейшины опять примутся распекать его за расточительность. Придется изворачиваться и держать ответ, но сейчас Шэнь Цинчжоу было не до этих забот.

В самом деле, не ходить же ему с пустым кошельком, выпрашивая у случайных знакомых выпивку? Так недолго и вовсе по миру пойти — того и гляди, придется проситься в Банду нищих!

Поскольку Лочэнь вернул его собственный меч, а господин Цзинь накануне преподнес в дар великолепный клинок, Шэнь Цинчжоу оказался обладателем сразу двух превосходных мечей. Носить оба оружия за спиной было глупо, но и оставлять одно из них в комнате постоялого двора на потеху местным воришкам тоже не хотелось — каждое стоило целое состояние.

Юноша мысленно обругал себя за вчерашнюю глупость. Подарил — так стой на своем! Какого черта он пошел на поводу у эмоций и безропотно забрал клинок назад?

Верно говорят: хмель уму не товарищ. Повесив на пояс щедрый дар господина Цзиня, Шэнь Цинчжоу взвесил в руке старый верный меч, разделивший с ним не одну дорожную невзгоду. Поразмыслив, он решил, что должен вернуть его Лочэню.

Шэнь Цинчжоу и сам не понимал, отчего так привязался к этому уродливому черту. Пусть их вчерашняя встреча продлилась недолго и закончилась безобразной ссорой, юноша успел заметить: Лочэнь отнюдь не обычный грамотей. Сложно было представить, какая сила

заставила столь начитанного человека опуститься на самое дно и прозябать конюхом в Башне Красного и Зеленого. Ведь, если верить рассказам Сицюаня, его готовили в мужья-наложники для услады богатых гостей, и лишь собственная жестокость — Лочэнь изуродовал себя без капли жалости — помогла ему избежать этой участи.

Какие тайны скрывало его прошлое? Какое горе вынудило его пойти на этот шаг?

Шэнь Цинчжоу примерил эту судьбу на себя и содрогнулся. Будь он на месте Лочэня, его гордость не вынесла бы подобного позора — он бы давно наложил на себя руки. Немой же продолжал влачить жалкое существование. Говорят, нет ничего труднее, чем добровольно шагнуть в объятия смерти, но Шэнь Цинчжоу интуитивно чувствовал: Лочэнь терпит эти унижения не ради спасения собственной шкуры. За его смирением крылось нечто большее.

В конце концов, Лочэнь умудрился не на шутку разозлиться лишь из-за того, что Шэнь Цинчжоу пренебрежительно отозвался о жадной до денег хозяйке борделя. Шэнь Цинчжоу ломал голову, но так и не мог взять в толк: какая муха укусила этого немого?

Мысли путались, словно разбитый конский хвост. Шэнь Цинчжоу потрянул головой, решив для начала отыскать уединенное место, чтобы наверстать упущенную тренировку, а уж после...

...снова наведаться в Башню Красного и Зеленого. Заодно стоило разузнать, не обобрали ли до нитки беднягу Сяо Янся местные искушенные девицы, оставшиеся с ним наедине прошлой ночью.

<http://bllate.org/book/19915/2040331>